

УДК 327

DOI 10.25587/2310-5453-2024-1-96-114

Роль России в Северо-Восточном азиатском пространстве

А. В. Митько¹ ✉, В. К. Сидоров²

¹Арктическая общественная академия наук

¹Всероссийский научно-исследовательский институт метрологии
им. Д. И. Менделеева

¹Северо-Западный институт управления РАНХиГС
г. Санкт-Петербург, Россия
✉ arseny73@yandex.ru

²Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной
службы МЧС России
г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Россия продолжает бороться со своей идентичностью, склоняясь к тому, чтобы стать связующим звеном между Европой и Азией. В начале XXI в. сформировался и стал реализовываться «поворот» России в сторону Азии. В отличие от ребалансировки США в этом регионе, Россия не намерена брать на себя роль лидера в Азиатско-Тихоокеанском регионе и упорядочивать продолжающийся политический и экономический процесс в соответствии с требованиями интересов сверхдержавы. Скорее, Россия демонстрирует намерение попытаться активнее вписаться в существующий Азиатско-Тихоокеанский порядок и участвовать наравне с другими членами в этом процессе. Хотя этот процесс начался ранее в соответствии со схемой «стратегического треугольника» Примакова, которая объединила идеи многовекторной дипломатии, а ныне существующее противостояние с Западом значительно ускорило процесс. Данная статья призвана рассмотреть эволюцию концепции России, понимание своего места и роли в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Мы попытаемся кратко рассмотреть основные события, происходящие в регионе, его конфликтный потенциал и определить роль его основных игроков. Несмотря на то, что эти факторы рассматриваются, нет намерения предпринимать всеобъемлющее описание ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а скорее предложить краткий обзор о существующих возможностях и вызовах через интересы и взгляды России.

© Митько А. В., Сидоров В. К., 2024

Ключевые слова: международные отношения, Арктика, Северный морской путь, Азиатско-Тихоокеанский регион, подъем Китая, поворот США к Азии, проблемы Корейского полуострова, «активный пацифизм» Японии.

Для цитирования: Митько А. В., Сидоров В. К. Роль России в Северо-Восточном азиатском пространстве. Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2024, № 1(35). С. 96–114. DOI: 10.25587/2310-5453-2024-1-96-114

Russia's role in the North-East Asian space

A. V. Mitko¹ ✉, V. K. Sidorov²

¹ Arctic Public Academy of Sciences

¹ D. I. Mendeleev All-Russian Research Institute of Metrology

¹ Northwestern Institute of Management RANEPA

St. Petersburg, Russia

✉ arseny73@yandex.ru

² Saint-Petersburg University of State Fire Service of the Ministry
of Emergency Situations of Russia

St. Petersburg, Russia

Abstract. Russia continues to wrestle with its identity, tending to be either a European or an Asian country, or the link between the two regions. Recently, there has been a Russian «pivot» to Asia, but in contrast to the US rebalancing in the region, Russia does not intend to take a leading role in shaping the ongoing political and economic process in accordance with the interests of the superpower. Rather, Russia shows intent to try to fit in more actively in the existing Asia-Pacific order and engage on an equal basis with other members of the region. While this process started earlier, charted by Primakov's «strategic triangle» idea and multi-vector diplomacy, recent confrontation with the West significantly sped up the process. This article aims to review the evolution of Russia's conceptual understanding of Asia and its own place and role in the Asia-Pacific region. Further on, the author attempts to take a brief look at major developments happening in the region, review its conflict potential and define the role of its main players. While those factors are reviewed, there is no intention to attempt a comprehensive description of the situation in the Asia-Pacific, but rather to offer an account of existing opportunities and challenges through Russia's interests and views.

Keywords: international relations, Arctic, Northern Sea Route, Asia-Pacific region, China's rise, U.S. pivot to Asia, problems of the Korean Peninsula, Japan's «proactive pacifism».

For citation: Mitko A. V., Sidorov V. K. Russia's role in the North-East Asian space. Arctic XXI century. Humanitarian sciences. 2024, No. 1(35). P. 96–114. DOI: 10.25587/2310-5453-2024-1-96-114

Введение

Грандиозный глобальный сдвиг в мировой геополитике, который стал ясно заметен с началом XXI в., подчеркнул подъем и возрастающую роль стран Азиатско-Тихоокеанского региона как его главную особенность. Концепт «Большой Азии» предполагает, что региональные переходные процессы созрели для трансформации и «сжатия» старых регионов и субрегионов в макрорегиональный комплекс, который можно рассматривать как третий глобальный центр развития вместе с Северной Америкой и ЕС. Несмотря на то, что глобальный охват международных отношений стал фактом жизни уже в конце XX в., евроатлантический регион оставался ядром мировой политики и центром принятия решений в отношении международных финансовых, экономических и политических механизмов. Сегодня Азия прочно занимает центральное место в мировой политике. По состоянию на 2020 г. на страны Восточной Азии и Тихоокеанского региона приходилось около 60 % мирового населения. Даже при более низких перспективах роста в Азии, его темпы все еще остаются в два раза выше, чем прогнозы глобального роста США или других развитых государств [1].

Изменение экономической роли Азии приводит к ее самореализации как важного политического игрока. При этом Китай является ведущим участником этой игры и пытается изменить мирным путем правила и порядок, основанные на Западе, через вновь сформированные глобальные механизмы и такие институты, как «Большая двадцатка». С одной стороны, мы наблюдаем стабильный рост и экономическое развитие, а с другой – политическая нестабильность и новые угрозы, тлеющие территориальные споры, разделенные народы – как новые проблемы, так и остающиеся следы и конфликтный потенциал времен холодной войны.

Азия в российском внешнеполитическом мышлении. Прозападная эйфория

Подходы российской внешней политики и определение приоритетов для различных регионов и решения проблем за более чем тридцатилетнюю историю своего существования существенно изменились. Для этого необходимо было начать трудный путь реализации своих собственных национальных интересов и внешней политики, расстановки приоритетов в соответствии с новыми условиями, которые возникли после распада Советского Союза и биполярной системы международных

отношений. Российская политическая элита не была единой во мнении о предпочтительном направлении развития внешней политики, но, тем не менее, лидировала группа, которая способствовала победе «западного вектора» дипломатии и определила русскую внешнюю политику в первой половине девяностых годов. Это означало, что стратегической целью страны было продвижение цели интеграции России в то, что Горбачев провозгласил «общим европейским домом», и Запад, в целом, добился полной сплоченности с бывшими противниками в этом направлении. По признанию российских экспертов, первые два года существования России были весьма своеобразными, поскольку ее руководство «избегало четкого определения своих национальных интересов», предлагая точку зрения тех, кому тождественны интересы «сообщества мировых демократий» [2]. Этот тип мышления часто ассоциируется с личностью российского министра иностранных дел Андрея Козырева, который занимал в то время этот пост. В соответствии с этой линией стратегической ориентации Азия, а также другие регионы, такие как Африка или Латинская Америка, или даже постсоветское и постсоциалистическое пространство, рассматривались как второстепенные игроки на карте мира.

Интересно, что в первой Концепции внешней политики 1992 г. в параграфе, посвященном отношениям с США в части взаимоотношений с Азиатско-Тихоокеанским регионом, содержался тезис о необходимости интенсивного сотрудничества с США в регионе. Единственная азиатская страна, которая вписывалась в список приоритетов с целью вестернизации России, была Япония, способная в соответствии с этим мышлением повлиять на укрепление позиций России в Азии и способствовать не только динамичному развитию Дальнего Востока России с прямыми иностранными инвестициями, но и сбалансировать Китай. Осенью 1993 г. во время визита Ельцина в Токио обе стороны отметили территориальную проблему Курильских островов, но сигнализировали о готовности решить ее. В то же время экономические отношения и торговый оборот между Россией и Японией хотя и росли, но оставались весьма скромными: пик был достигнут в 1995 г. и составил 5,9 млрд долларов США.

И хотя такая позиция была преобладающей среди правящей элиты времен Ельцина, очевидно, что рабочие контакты с остальной Азией продолжались.

В 1990 г. Советский Союз нормализовал дипломатические отношения с Южной Кореей, что вызвало большое негодование со стороны КНДР. В 1991 г. Южная Корея предлагала СССР крупные кредиты,

и с 1992 г. происходил обмен визитов на высоком уровне между двумя странами, но конечная цель интенсивного экономического сотрудничества достигнута не была, а торговый оборот оставался на низком базовом уровне [3].

Нормализация отношений между Китаем и Россией, которая также произошла в годы Горбачева, получила дальнейшее развитие. Эта концепция основывалась на позиции, согласно которой не было альтернативы хорошим отношениям между двумя соседями и что любая попытка использования Китая или России друг против друга третьей стороной, безусловно, должна быть пресечена. К особенностям двусторонних отношений того периода можно отнести то, что в последние месяцы существования Советского Союза Пекин поддерживал ГКЧП и с подозрением отнесся к первым шагам новорожденной России, хотя Ельцин еще до конца 1992 г. совершил официальный визит в Китай, что заложило основу долгосрочного сотрудничества, в том числе и в военно-стратегической области.

Прагматизм и начало поворота к Азии

Первые попытки пересмотреть внешнюю политику России были предприняты в середине 1990-х гг. В сентябре 1993 г. советник президента Клинтона по национальной безопасности Энтони Лейк выступил в Университете Джонса Хопкинса с речью о замене стратегии сдерживания времен холодной войны на стратегию «расширения семьи демократических рыночных экономик». Это выступление было сигналом к изменению политики на международной арене и в конечном итоге привело к началу процесса расширения НАТО в следующем году. Различия в подходах к Югославскому кризису стали более заметными. Осознание отсутствия автоматизма в тождественности интересов Запада и России привело к попыткам диверсификации ее внешней политики. На это твердо указало назначение Евгения Примакова на пост министра иностранных дел, а затем премьер-министра Российской Федерации. Именно он заявил о необходимости создания так называемого «стратегического треугольника» сотрудничества между Россией, Китаем и Индией, а также продвигал идею диверсификации внешней политики России на Восток. Эта идея была подчеркнута в Концепции национальной безопасности Российской Федерации, принятой в 1997 г., однозначной поддержкой полицентричного мира. Авторы Концепции указали на высокую вероятность долгосрочной тенденции сильных рецидивов при создании «структуры международных отношений, основанных на односторонних, в том числе военных, решениях ключевых глобальных проблем».

В этот период времени, вероятно, произошел наиболее значительный шаг в сторону более тесных отношений с Китаем. Пока пограничные проблемы, экономический коллапс Дальнего Востока после распада Советского Союза и китайский бизнес в этих регионах затмили возможность дальнейшего сближения, в 1994 г. Россия и Китай провозгласили «конструктивное партнерство», переросшее два года спустя в «стратегическое партнерство» Пекина и Москвы и поддержанное Московской декларацией 1997 г. о «Многополярности мира и установления нового мирового порядка». В то же время были предприняты многосторонние усилия, результатом которых стало появление на международной арене «Шанхайской пятерки», позже преобразованной в Шанхайскую организацию сотрудничества (далее ШОС). Значительные успехи были достигнуты во время визита Примакова в Дели в 1998 г., заложившие основу стратегического партнерства между Россией и Индией. И хотя тогда идея «стратегического треугольника» была отвергнута двумя другими потенциальными его участниками, т. к. самое пристальное внимание уделялось политическим сдвигам, которые происходили в самой России. Запад в тот момент не верил в возникновение такого типа альянса, поэтому об этой идее не особо задумывались.

Новый век и новый баланс

Интересно отметить, что, хотя Россия так и не вернулась к ситуации, в которой она находилась, в начале 1990-х гг. при абсолютной поддержке Запада и готовности к компромиссам своих интересов и идей ради интеграции в семью либеральных демократий, приход Путина на смену Ельцину был воспринят через призму благосклонности на Западе и с перспективным скептицизмом к востоку от России. Первоначально евроатлантическое сообщество было довольно восходящей звездой нового президента России, которого считали полностью прозападным фигурой. Это подтверждалось свидетельствами первых дипломатических контактов нового лидера, выбравшего в первую очередь Европу в качестве места встречи с американским президентом Клинтоном перед визитом в Китай. Это также вызвало временный относительный спад увертюры России на азиатском направлении и диверсификацию ее внешней политики. Согласно материалам японского аналитика: «Китай боялся, что новый президент России будет слишком прозападным за счет Китая» [4].

Первая половина десятилетия нового столетия ознаменовалась усилением экономической и политической позиции России, и остатки взаимных надежд позволяли ей находиться или казаться находящейся в центре глобального механизма принятия решений под руководством

Запада. Путин вместе с Бушем, Берлускони, Шираком и Шредером составили ядро группы «Большой восьмерки» и спрогнозировали коллективную волю по отношению к остальному миру. Хотя это не означает того, что другие регионы мира были проигнорированы, однако приоритетное сотрудничество было вновь ориентировано в направлении европейских и североамериканских партнеров. Это было особенно актуально после относительного ухудшения отношений в конце 1990-х гг. в связи с политическим косовским кризисом и общим экономическим кризисом. На фоне турбулентности 1997–1998 гг. казалось, что зарождается новое взаимодействие и готовность Запада серьезно относиться к России. Вот почему такой механизм, как Совет Россия – НАТО, в отличие от предыдущего механизма сотрудничества, рассматривался как прорыв даже с учетом дальнейшего развития НАТО и его новой доктрины экспансии на восток.

В то же время восточное направление российской политики не исчезло. По словам тогдашнего министра иностранных дел Игоря Иванова, Россия, проводящая многовекторную дипломатию, не только стремилась сосредоточиться на развитии отношений с тремя странами Азиатско-Тихоокеанского региона – Китаем, Индией и Японией, но и присоединилась к интеграционным процессам, активным в этом регионе, таким как АТЭС (в 1998 г.), начала консультации с АСЕАН, а также стала частью конференции «Региональный форум АСЕАН». ШОС была образована в начале XXI в. [5].

Необходимо подчеркнуть, что программная статья нового президента В. В. Путина в «Независимой газете» началась с фразы о том, что «Россия всегда ощущала себя евроазиатской страной». Далее он пояснил, что Россия никогда не забывала тот факт, что большая часть ее территории расположена в Азии, хотя признается и то, что это преимущество использовалось не всегда. Но в то же время было ясно, что «полномасштабное участие России в процессах экономического сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе – естественно и неизбежно. Россия – уникальный центр, связывающий Азию, Европу и Америку» [6].

В результате визита Цзян Цзэминя в Москву в 2001 г. был подписан полномасштабный двусторонний Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между двумя странами. В. В. Путин также посетил Индию в октябре 2000 г. и провел масштабные военно-технические мероприятия в рамках российско-индийского сотрудничества. После временного затишья, вызванного опасениями России о нарушении международных обязательств по нераспространению и отказу от поставок Индии криогенных двигателей в 1993 г., между двумя странами

возобновилось активное сотрудничество. Однако необходимо отметить, что торгово-экономические связи с обоими азиатскими гигантами оставались скромными. Цель, провозглашенного в 1997 г. объема товарооборота в 20 млрд долларов США, достигнута не была. Необходимо отметить, что в то время даже меньший объем товарооборота был характерен для российско-индийской торговли с большим сотрудничеством, которое относят к сфере поставок оружия.

Сильный и самодостаточный: выход на глобальный уровень

Раскол между Россией и Западом стал ясно заметен в 2007 г. Именно тогда многие эксперты выделили мюнхенскую речь В. В. Путина как водораздел для взаимных оценок и подходов.

Растущие разногласия в Евро-Атланти-Евразийском регионе активизировали дальнейшее сближение и повышенное внимание к партнерам России на востоке. Хотя курс на более независимую политику и реальную диверсификацию появился раньше. Еще в июне 2006 г. президент В. В. Путин выступил с речью на совещании российских послов в здании МИД РФ на Смоленской площади в Москве, в которой отметил, что «Россия должна нести ответственность за глобальное и социально-экономическое развитие, пропорциональное ее положению и возможностям» [7]. То, что должно было стать регулярной рабочей встречей, сигнализировало о самом значительном концептуальном сдвиге со времени распада Советского Союза. Согласно российскому исследователю Алексею Богатурову, впервые за 15 лет Россия не «связывает свои ориентиры с отношениями на Западе, но и переходит на более широкую глобальную повестку дня» [2]. Почти два года спустя эта позиция была подтверждена в новой Концепции внешней политики Российской Федерации [8].

Этот же период ознаменовал начало активизации сотрудничества России с ведущими развивающимися экономиками не только в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но и во всем мире. Его реализацией становится взаимодействие в рамках процесса диалога Хайлигендамм-Л'Акуила посредством более тесного сотрудничества и реализацией общих подходов ко многим проблемам с так называемой информационно-просветительской пятеркой (в рамках механизма «Большой восьмерки» и ее сотрудничества с Бразилией, Китаем, Индией, Мексикой и ЮАР). Еще раньше, в 2006 г., Россия начала консультации с этими странами, информируя их об основных направлениях переговоров со странами «Большой семерки». Срок пребывания Медведева на посту президента привел к официальному созданию формата лидеров БРИКС в 2009 г. Проявление перебалансировки в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона

можно было также увидеть в эволюции одного из основных направлений политики России – энергетической безопасности. В соответствии с существующей Энергетической стратегией России до 2030 г., принятой в 2009 г., страна намеревалась диверсифицировать экспорт своей нефти в Азиатско-Тихоокеанский регион с всего лишь 3 % до примерно 30 %. По данным Энергетической стратегии до 2035 г., уже в 2012 г. были отмечены значительные переориентации: 20 % сырой нефти направляется в Азиатско-Тихоокеанский регион (68 % все еще едут в Европу, 12 % – в страны СНГ). Предполагается, что полный экспорт углеводородов (нефти, газа, нефтепродуктов) к 2035 г. вырастет до 31–32 %, или в 2,8 раза [9].

Возвращение Владимира Путина на пост президента в 2012 г. стало еще одним сигналом о переориентации на направление Азиатско-Тихоокеанского региона. По мнению некоторых исследователей, эту тенденцию не только усилил нарастающий политический разлад между Россией и Западом, но и был обеспечен продолжающимся экономическим кризисом в Европе, который существенно повлиял на возможность России реализовать прибыль и иметь европейский сегмент как драйвер национального экономического развития [10]. Таким образом, российское руководство видит страны Восточной Азии как крупнейший, наиболее привлекательный и перспективный региональный рынок.

Однако это понимание требует дальнейшего развития, чтобы предложить партнерам взаимовыгодные условия по полномасштабному экономическому сотрудничеству, выходящему за рамки торговли энерго-ресурсами.

Внутренние события в России еще больше повысили роль Азиатско-Тихоокеанского региона как приоритетного направления внешней политики Российской Федерации. В 2012 г. было разработано и создано специальное Министерство Дальнего Востока. Его основная задача – способствовать развитию российских дальневосточных регионов, и это также предполагает значительную долю международных контактов с соседними странами.

Концепция внешней политики (или как ее определил министр иностранных дел России Сергей Лавров – довольно новая редакция существующей платформы), принятая в 2023 г., предполагает дальнейшее развитие многовекторной дипломатии и активное взаимодействие с формирующимися системообразующими игроками со всего мира, которым отводится определенная роль в Азии, к которой «принадлежит Россия» и которая продолжает свое стратегическое восхождение в рамках мирового экономического и политического развития. Лавров также подчеркнул жизненно важную роль, которую играют такие многосторонние

механизмы, как «Большая двадцатка», ШОС и БРИКС, а также отметил новый потенциал, возникающий благодаря возможному притоку новых членов в эти организации [11].

Ключевые события в Азиатско-Тихоокеанском регионе: российский подход. Подъем Китая

Основной тезис всех недавних дискуссий по глобальным событиям лежал в области обсуждений перемещения центра энергетического потенциала в Азиатско-Тихоокеанский регион и, в частности, подъем Китая, который стал лидером по размеру ВВП. Этот непрерывный подъем привел к растущей обеспокоенности во многих странах относительно целей и задач восходящего гиганта. Чтобы нейтрализовать эти обеспокоенности от потенциальной угрозы со стороны растущего Китая, его руководство в 2003 г. провозгласило концепцию «мирного подъема», что, в свою очередь, вызвало дальнейшую неоднозначную реакцию во всем мире. Таким образом, сначала произошел возврат к концепции «мирного развития», а затем переход к концепции «гармоничного мира». Хотя реакция и политика Соединенных Штатов в Азии и позиция Японии (исторические и территориальные проблемы между двумя странами в связи с потенциальной ремилитаризацией страны) будут обсуждаться позже, предлагается рассмотреть российский взгляд на динамичное развитие китайцев.

Как уже кратко отмечалось, начало 1990-х гг. продемонстрировало осторожный взаимный подход во взаимоотношениях двух стран. В России склонялись к Западу, в тоже время существовал и сложный процесс демаркации участков российско-китайской границы в соответствии с соответствующим соглашением 1991 г., общий экономический коллапс после распада Советского Союза и чрезмерная деятельность китайских бизнесменов в этих районах, и резко контрастирующая плотность населения в приграничных регионах. Китай был не уверен в курсе новой России и ее руководства.

Фактически сильный Китай представляется для России как источник проблемных вопросов, так и как потенциал перспективных возможностей по разным направлениям. Сегодня изменился целый ряд параметров. В то время как развитие сибирских и дальневосточных регионов России осуществляется с некоторыми сложностями и не так быстро, как хотелось бы, важно отметить, что в обществе присутствует понимание того, что только сильная и процветающая Россия, ответственная и уважаемая мировая держава, не может быть построена без адекватного и устойчивого развития всех ее регионов. Общие проблемы, которые можно рассматривать как исходящие от сильного Китая, скорее лежат

в области внутренних слабостей и представляют дополнительный стимул для решения существующих проблем.

Последние годы, несмотря на мировые санкции, направленные в адрес России, были насыщены встречами на высоком уровне между российскими и китайскими лидерами, встретившимися в рамках G-20, АТЭС, ШОС, БРИКС и т. д.

По данным совместного российско-китайского исследования, ранее доминирующее энергетическое сотрудничество расширяется до геополитического альянса. Некоторые также видят «элементы военно-политического союза» между двумя странами в совместной Шанхайской декларации, которая определила направления развития организации до 2030 г. И даже если это не было оформлено в юридически обязывающий документ, однако были обсуждены вопросы взаимной поддержки в части суверенитета, территориальной целостности и безопасности [12].

Что касается проблем, формально положивших начало конфронтации между Россией и Западом, Китай одновременно крайне осторожен в своих высказываниях по этому поводу. Китайская позиция, актуальная для Азиатско-Тихоокеанского региона и глобальной безопасности, о необходимости учитывать «исторические условия» при рассмотрении спорных вопросов, выступает скорее в поддержку России. Более того, обе страны имеют схожие позиции по непринятию санкций, введенных без соответствующего решения Совета Безопасности ООН. Обе стороны признают, что нынешняя конфронтация между Россией и Западом никоим образом не повредит двусторонним отношениям. Это скорее возможность для более тесного сотрудничества. Некоторые считают, что ситуация больше играет на руку Пекину, но китайский кооперативный подход подтверждает, что является для Москвы надежным и ответственным партнером. Об этом говорит, например, подписанный газовый контракт между Россией и Китаем на 400 млрд долларов США на 30 лет. Не следует недооценивать то, что этот контракт был заключен в нужное время – не только как экономический результат сотрудничества между двумя странами, но и не в меньшей степени, как проявление политической поддержки России.

Усиление Китая вряд ли помешает России добиваться развития сотрудничества, в том числе и в сфере военно-технического взаимодействия. Продолжающееся противостояние с Западом, вероятно, приведет к поставкам более сложной военной техники в Китай. Обе страны также проводят регулярные двусторонние и многосторонние военные учения на земле и на море. Более сильный Китай с глобальными амбициями также может предоставить дополнительные возможности для России.

Что касается экономических аспектов двусторонних отношений и российского подхода к асимметрии размеров и возможностей двух стран, это были бы два наиболее распространенных утверждения. Первое касается того факта, что российская экономика и ее экспорт недостаточно диверсифицированы и сильно зависят от ресурсов экспорта, особенно экспорт сырых углеводородов, и, таким образом, она выступает всего лишь поставщиком сырья для развития Китая.

Кроме этого, можно отметить, что это не проблема двусторонних экономических отношений, а скорее, это результат деятельности российской экономики, ее национальных добывающих компаний и отсутствия достаточно жестких действий для достижения истинной диверсификации.

Дополнительная возможность сотрудничества и участия в большом стратегическом планировании Китая исходит из позиции России в центре Евразийского континента. Таким образом, Россия дала понять, что готова совместно с Китаем развивать и продвигать мегапроект экономического пояса Шелкового пути. Ранее подобные транзитные проекты оказались весьма выгодными для России, когда она сотрудничала с Соединенными Штатами и НАТО по стратегии выхода из Афганистана. При этом Россией предлагался к использованию сухопутный маршрут северной распределительной сети также с возможностью вовлечения и модернизации Транссибирской магистрали, которая представляет собой более короткий и безопасный путь, в отличие от возможного транзитного пути через южный коридор и тем более по сравнению с морским маршрутом.

Россия также заинтересована в том, чтобы Китай был сильной страной, поскольку это практический шаг проявления своего стратегического видения многополярного мира, в отличие от односторонней гегемонии США.

США поворачиваются к Азии

Концепция бывшего президента США Обамы о стратегической переориентации на Азиатско-Тихоокеанский регион была в свое время воспринята многими как способ «окружить» и сдержать Китай. Американские политики и эксперты не очень умело убеждают большинство партнеров за пределами круга своих близких союзников, что их единственной целью является обеспечение мирного и процветающего развития для всех стран. Предполагается также, что США должны оказать помощь азиатским странам в продолжающемся процессе ребалансировки Азии с ее восточной на юго-восточную часть. В то же время ключ к пониманию всеобъемлющего набора целей политики Соединенных

Штатов заключается в том, чтобы рассматривать их не только как продвижение экономического развития США и интересов безопасности, но и углубление культурных связей и связей между странами и народами, а также поддержки прав человека и демократии в регионе.

И хотя этот поворот в сторону Азии был изменен из-за частичной переориентации поддержки Вашингтоном направления обратно на Европу, украинский кризис позволил Европе вновь почувствовать, что она занимает центральное место в политике США, получает чрезмерное внимание со стороны атлантического партнера и, по крайней мере, на данный момент не превращается в периферию глобальной политики против растущего Азиатско-Тихоокеанского региона.

Корейский вопрос

В начале нового столетия Корейский полуостров все еще находился в царстве холода с военным менталитетом с его символом одной нации, все еще разделенной на два государства. До сих пор жесточайшее противостояние между двумя странами чередуется с некоторыми шагами в сторону разрядки или возобновления межкорейского диалога и экономического сотрудничества. Помимо проблемы двух разделенных Корей, ядерная программа Северной Кореи привела к дальнейшему обострению напряженности.

Главные цели России в отношении Корейского полуострова включают сохранение мира и стабильности в соседнем регионе и равноправные отношения между двумя странами. Мир в регионе жизненно важен для России. При возможном начале боевых действий в сложившейся обстановке всего несколько сотен километров вдали от своей границы поставило бы под угрозу ее собственное дальневосточное население, включая, но и не ограничиваясь этим: возможное радиоактивное заражение, неограниченный поток беженцев, прерывание морской деятельности и нормальной экономической деятельности в регионе. Но в то же время у России очень ограниченные возможности влиять на любого из двух игроков. Когда мы говорим о межкорейских проблемах, то обе стороны – и Север, и Юг – считают, что для них приемлемо разговаривать друг с другом без внешнего вмешательства.

Таким образом, можно было бы еще раз пересмотреть вопрос о выгодах всех сторон от реализации амбициозного потенциального проекта «Евразийская инициатива», выдвинутого в 2013 г. президентом Южной Кореи Пак Кын Хе, который мог бы связать газопроводом Южную Корею и Россию через КНДР [13]. Однако мировые санкции, введенные против России в 2014 г., заметно осложнили реализацию этого взаимовыгодного для всех сторон проекта, а в сегодняшних

реалиях международной обстановки делает его осуществление практически невозможным.

Некоторые эксперты полагают, что это могло бы стать хорошим дополнением к сохраняющемуся военному сотрудничеству между Южной Кореей и США и способствовать более тесному экономическому сотрудничеству с Китаем. Это может звучать парадоксально, но Россия, возможно, больше хочет увидеть воссоединение двух сторон Корейского полуострова, чем эти страны сами, т. к. у каждой Кореи есть свои собственные мысли, ограничения и условия. По крайней мере, это можно было бы утверждать в том смысле, что для России воссоединение не имело бы никаких негативных последствий и побочных эффектов. Формирование сильной, предсказуемой и единой безъядерной Кореи, вероятно, могло бы обеспечить стабильность в соседстве с Россией и привести к более высокому уровню независимой политики всех азиатских стран. Возможно, этот сценарий не столь очевиден для Вашингтона, который сохраняет свои 30-тысячные контингенты в Южной Корее или Японии, соответственно, и имеет сохраняющиеся разногласия с корейцами по поводу исторического наследия.

Как отмечалось ранее, Россия заинтересована в безъядерной зоне на полуострове и с 2003 г. также стала участником шестисторонних переговоров и активно участвует в поиске возможных непростых решений, признавая возможность решения проблемы дипломатическими средствами. Одним из первых дипломатических успехов Президента России В. В. Путина на встрече «Большой восьмерки» на Окинаве в 2000 г. было представленное им «комплексное решение» корейской ядерной проблемы. Россия также сыграла заметную роль в предотвращении военной эскалации на Корейском полуострове после инцидента с южнокорейским корветом «Чхонан».

Меняющиеся реалии Японии

В XXI в. Япония продолжила курс на повышение политического статуса страны в соответствии с ее высоким экономическим положением и активным участием в решении проблем мирового значения. Это сопровождалось дальнейшими тенденциями к повышению военной составляющей в общем стратегическом балансе страны. С принятием в 2001 г. закона о борьбе с терроризмом Силы Самообороны Японии начали активно участвовать в операциях за рубежом (Ирак, Афганистан, борьба с пиратством в водах Восточной Африки). Приход Абэ Синдзо на пост премьер-министра Япония привел к дальнейшему пересмотру «самостоятельных ограничений» и «активного пацифизма» Токио. В апреле 2014 г. Япония приняла новый закон об отмене правил

экспорта вооружения (три принципа экспорта), которые действовали с 1967 г. В 2014 г. произошло еще одно краеугольное событие: рекордная сумма оборонных расходов составила 46,9 млрд долларов США и стала первым повышением в 5-летней среднесрочной программе повышения обороноспособности страны. А бюджетные поправки к конституции Японии, сделанные премьер-министром Абэ Синдзо для пересмотра статуса Сил Самообороны Японии, стали сигналом о последнем шаге на пути к их ремилитаризации.

Между Россией и Японией все еще сохраняются территориальные проблемы по Курильским островам с тех пор, как не был подписан Сан-Францисский мирный договор между Советским Союзом и Японией. Текущие события волнуют Россию в меньшей степени, в отличие от других азиатских стран, которые сильно пострадали в годы Второй мировой войны от милитаристской политики Японии.

Кроме того, несмотря на то, что Япония как член «Большой семерки» присоединилась к незаконным экономическим санкциям против России, до последнего времени существовало постоянное сотрудничество на уровне экономики, бизнеса и гуманитарных обменов, даже если они не афишируются широко, чтобы не портить отношения с американской стороной.

Заключение

Азиатско-Тихоокеанский регион продолжает побеждать «старческую Европу» по уровню динамизма и поступательному экономическому и политическому развитию. В то же время, по мере того, как ось экономического развития плавно переходит на Азиатский континент и продолжают появляться новые возможности для развития стран региона, возникают и новые дилеммы перед странами Азии. Необходимо признать, что правила евроатлантических держав, установившиеся в глобальном масштабе, не могут быть применены к независимым суверенным государствам Азиатско-Тихоокеанского региона, которые гордятся своим давним историческим наследием и цивилизационным богатством.

Перебалансировка в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона представляет собой весьма желанную возможность для обсуждения и обзора интересов всех игроков во всем мире, что позволило бы сформировать справедливую и инклюзивную международную архитектуру как на региональном, так и на глобальном уровнях.

Россия, являясь последовательным сторонником мирного и устойчивого полицентричного мира, должна использовать все возможности

потенциала азиатских стран для продвижения этой цели и достижения равного и выгодного экономического благополучия. Соединенные Штаты не могут и не должны оставаться главной державой в мире в условиях многополярного мира. Но при четком понимании того, что правила создаются совместно и только один оплот приводит к структурному дисбалансу, в то время как сильные Китай, Россия и Япония внесут позитивный вклад в глобальную политическую ситуацию и экономическую архитектуру, возможно продуктивное и взаимовыгодное сотрудничество во всех направлениях. Кроме того, давняя и все еще растущая проблема Корейского полуострова может решаться только в единой позиции и в условиях мирной обстановки.

Литература

1. Инфографика: как открыть и вести бизнес в Азии // Hussle.ru : [сайт]. – URL: <https://hussle.ru/special-projects/koru-pharma/> (дата обращения: 20.02.2024).

2. Богатуров, А. Д. Три поколения российских внешнеполитических доктрин / А. Д. Богатуров // Международные процессы. – Т. 5, вып. 1. – 2007. – С. 54–69. – URL: <http://old2.intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/625/Bogaturov-13.pdf> (дата обращения: 20.02.2024).

3. Толорая, Г. Россия и Южная Корея. Некоторые размышления о первом десятилетии отношений / Г. Толорая, Д. Кулькин. – 2009. – URL: http://world.lib.ru/k/kim_o_i/a9619.shtml (дата обращения: 20.02.2024).

4. Ивашита Акихиро. Примаков: Россия и стратегический треугольник в Азии // Нетерпеливые взоры устремлены на Евразию ; редактор Ивашита Акихиро. – Саппоро : Славянские евразийские исследования, 2007. – С. 165–194.

5. Мазырин, В. М. Региональное сотрудничество в Восточной Азии как фактор изменения международного экономического пространства / В. М. Мазырин // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4-го съезда РИСА ; редактор А. Ю. Мелвилл. – Москва : МГИМО, 2007. – С. 82–93.

6. Путин, В. В. Россия: новые восточные перспективы / В. В. Путин // Независимая газета : [сайт]. – 2000. – URL: https://www.ng.ru/world/2000-11-14/1_east_prospects.html (дата обращения: 20.02.2024).

7. Выступление на совещании с послами и постоянными представителями Российской Федерации // Кремль.ру : [сайт]. – 2006. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/23669/videos> (дата обращения: 20.02.2024).

8. Концепция внешней политики Российской Федерации // Кремль.ру : [сайт]. – 2008. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 20.02.2024).

9. Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года (утверждена распоряжением Правительства РФ от 09.06.2020 г. № 1523-п) // Правительство России : [сайт]. – 2020. – URL: <http://static.government.ru/media/files/w4sigFOiDjGVDYT4IgsApssm6mZRb7wx.pdf> (дата обращения: 20.02.2024).

10. Ик Джун Ён. Новая политическая стратегия В. Путина на Дальнем Востоке и Корейском полуострове: в поисках партнера или инвестора? / Ик Джун Ён // Известия Восточного института, вып. 23. – Владивосток. – 2014. – С. 72–82.

11. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом РФ В. В. Путиным 31.03.2023) // Министерство иностранных дел Российской Федерации : [сайт]. – 2023. – URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/?lang=ru> (дата обращения: 20.02.2024).

12. Российско-китайский диалог: модель 2015 // Доклад Российского совета по международным делам № 18/2015 (07.04.2015) ; редактор И. С. Иванова. – 2015. – С. 6.

13. Gu Ho Eom (2015). The Geopolitics of the Northeast Asian Gas Pipeline. *EAF Policy Debates*, No. 19. [online] East Asia Foundation. Available at: https://www.keaf.org/en/book/EAF_Policy_Debates/22082211180880744 (Accessed 20 February 2024).

References

1. Hussle.ru, (2024). *Infographics: how to open and run a business in Asia*. [online] Available from: <https://hussle.ru/special-projects/koru-pharma/> (Accessed 20 February 2024). (In Russian)

2. Bogaturov, A. D. (2007). Three generations of Russian foreign policy doctrines. *International processes*, T. 5, Vol. 1, pp. 54–69. [online] Available from: <http://old2.intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/625/Bogaturov-13.pdf> (Accessed 20 February 2024). (In Russian)

3. Toloraya, G., and Kulkin, D. (2009). *Russia and South Korea. Some reflections on the first decade of relations*. [online] Available from: http://world.lib.ru/k/kim_o_i/a9619.shtml (Accessed 20 February 2024). (In Russian)

4. Iwashita Akihiro (2007). Primakov Redux? Russia and the «Strategic Triangles» in Asia. *Impatient eyes are fixed on Eurasia*. Sapporo : Slavic Eurasian Studies, pp. 165–194. (In Russian)

5. Mazyrin, V. M. (2007). Regional cooperation in East Asia as a factor in changing the international economic space. *In: Space and time in world politics and international relations: materials of the 4th Congress of RISA*. Moscow : MGIMO, pp. 82–93. (In Russian)
6. Putin, V. V. (2000). *Russia: new eastern prospects*. [online] Nezavisimaya Gazeta. Available at: https://www.ng.ru/world/2000-11-14/1_east_prospects.html (Accessed 20 February 2024). (In Russian)
7. Kremlin.ru, (2006). *Speech at a meeting with ambassadors and permanent representatives of the Russian Federation*. [online] Available from: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/23669/videos> (Accessed 20 February 2024). (In Russian)
8. Kremlin.ru, (2008). *The concept of foreign policy of the Russian Federation*. [online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/news/785> (Accessed 20 February 2024). (In Russian)
9. Government of Russia, (2020). *Energy strategy of the Russian Federation for the period until 2035 (approved by order of the Government of the Russian Federation dated 09.06.2020 No. 1523-r)*. [online] Available from: <http://static.government.ru/media/files/w4sigFOiDjGVDYT4IgsApssm6mZRb7wx.pdf> (Accessed 20 February 2024). (In Russian)
10. Ik Joon Young (2014). Putin's new political strategy in the Far East and the Korean Peninsula: Looking for a partner or investor? *News of the Eastern Institute*, Vol. 23. Vladivostok, pp. 72–82. (In Russian)
11. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, (2023). *The concept of foreign policy of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation V. V. Putin on March 31, 2023)*. [online] Available from: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/?lang=ru> (Accessed 20 February 2024). (In Russian)
12. Russian-Chinese dialogue: model 2015. *Report of the Russian Council on International Affairs No. 18/2015 (07.04.2015)*, 2015, p. 6. (In Russian)
13. Gu Ho Eom (2015). The Geopolitics of the Northeast Asian Gas Pipeline. *EAF Policy Debates*, No. 19. [online] East Asia Foundation. Available at: https://www.keaf.org/en/book/EAF_Policy_Debates/22082211180880744 (Accessed 20 February 2024).

Сведения об авторах

МИТЬКО Арсений Валерьевич – к. т. н., доцент, президент Арктической общественной академии наук, доцент Всероссийского научно-исследовательского института метрологии им. Д. И. Менделеева,

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы. E-mail: arseny73@yandex.ru

MITKO, Arseniy Valerievich – Candidate of Sciences in Technology, Associate Professor, President of the Arctic Public Academy of Sciences, Associate Professor of the D. I. Mendeleev All-Russian Research Institute of Metrology, Northwestern Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration.

СИДОРОВ Владимир Константинович – н.с. Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России. E-mail: hamradio-spb@yandex.ru

SIDOROV, Vladimir Konstantinovich – Researcher at St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia.